

В связи с этим следует особо отметить третью часть книги, посвященную сопоставительному представлению фонетической, грамматической и лексической систем романских языков. Данная часть содержит исключительно сложные материалы, хотя и вполне доступные студентам, благодаря четкости представления языковых и экстралингвистических фактов и явлений. Не только каждый раздел или глава, но и каждый параграф сопровождается наглядной схемой или таблицей и подробными выводами.

К отрицательным моментам, на наш взгляд, относятся некоторые повторы и неоднозначные интерпретации, встречающиеся в разных частях книги. Например, на с. 317 речь идет об этимологическом словаре Ф. Дипа, а на с. 319 говорится об этимологическом словаре В. Мейера-Любеке, которые уже были представлены на с. 288—289. На с. 318 приводится определение фонетического закона, уже данное на с. 138. В рецензируемой книге имеются некоторые неточности относительно даты образования французского литературного языка (ср., например, с. 28, 29, 305). Для специально не подготовленного читателя это может создать определенные трудности. Считаем также не вполне удачным отождествлять некоторые понятия, например, лингвистическую географию и ареальную лингвистику (с. 326), адстрат и суперстрат. Так, на с. 125 указывается, что контактирующие языки «следует считать адстратами по отношению друг к другу», а результаты интерференции определять как языковой субстрат. Понятие суперстрата автор считает излишним, не соответствующим никакой лингвистической сущности. Но, несмотря на то, что понятие суперстрата отвергается автором, этот термин находит в книге довольно широкое применение. Напри-

мер, латинскому культурному суперстрату посвящен § 51 рецензируемой работы.

Хотелось бы пожелать авторам расширить отдельные разделы, в том числе последнюю (четвертую) часть, где речь идет о современном состоянии романистики или основных ее направлениях. Это возможно сделать за счет изменения некоторых параграфов. Так, например, в § 115 «Социологический подход к изучению романских языков» излагаются концепции только К. Фосслера и Ф. де Соссюра (с. 319—324) и не упоминаются работы А. Мейе, Ж. Вандриеса и других романистов. Считаем также слишком кратким раздел «Лексика» в третьей части книги (с. 288—302). Было бы желательно помимо представления автором общероманского лексического фонда дать читателю более подробные сведения об этимологической стратификации романских языков и других аспектах их лексических систем. При этом § 105 «Этимологические словари» можно было бы перенести в четвертую часть книги и тем самым избежать некоторых повторов.

В заключение еще раз подчеркнем ценность и актуальность рецензируемой книги и ту особую пользу, которую она уже принесла (и принесет) в подготовке филологов-романистов. Исходя из интересов учебного процесса, а также из задач, стоящих перед современной романистикой, считаем целесообразным переиздать «Введение в романскую филологию».

Волкова З. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храпченко М. Б. Историческая поэтика и ее предмет. — В кн.: Храпченко М. Б. Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 13.

Handbook of Australian Languages. Ed. Dixon R. M. W., Blake B. — The Australian National University Press, Canberra/John Benjamins B. V., Amsterdam. V. 1, 1979, 390 p.; V. 2, 1981, 427 p.

Языки Австралии представляют интерес для лингвистов самой разнообразной специализации: социо- и этнолингвистов, компаративистов и типологов. Осознание того, насколько значимы австралийские языки для языковедения в целом, произошло довольно поздно: вследствие истребления и вымирания аборигенов многие языки либо полностью утрачены, либо оказались на грани исчезновения, ряд же языков подвергся пиджинизации и креолизации. Поэтому недавно начавшийся подъем австралистики был отчасти стимулирован необходимостью срочно фиксировать языковой материал. В то же время австралистика многим обязана и общему развитию науки о языке. Переход от тагмематики, в жестких рамках которой работали австралисты 60-х го-

дов¹, к типологически ориентированному описанию языков был связан с общим совершенствованием лингвистических методов, а это не замедлило дать свои результаты.

Основными проблемами австралистики являются: установление внутренних и внешних генетических связей языков и реконструкция как таковая, ареальная

¹ Пионером австралистики заслуженно считается А. Капелл, чьи работы по классификации и структуре австралийских языков оказали большое влияние на дальнейшие исследования в рамках Австралийского института по изучению аборигенов и австралийского филиала Летнего института языковедения (оба открыты в 1961 г.).

и типологическая классификация, описание отдельных языков и языковых групп. Способствовать решению этой последней проблемы и призвано рецензируемое издание.

Первый том «Языков Австралии» содержит введение (Б. Блейк, Р. Диксон) и очерки языков гуту-йимидьир (Дж. Хевиленд), питта-питта (Б. Блейк), гумбайнтийр (Д. Ида), ййгир (Т. Кроули). Второй том охватывает языки варгамай (Р. Диксон), аягутимри (Т. Кроули), ватъярри (У. Дуглас), маргань и гунья (Дж. Брин), тасманийские (Р. Диксон, Т. Кроули).

Все представленные в первых двух томах языки, за исключением тасманийских, входят в семью пама-ньюнга. Языки этой семьи занимают большую часть территории Австралии. Географический разброс языков, описанных в очерках, чрезвычайно велик, но это скорее достоинство, нежели недостаток издания, поскольку читатель может сразу получить представление о территориально далеких друг от друга членах крупнейшей семьи австралийских языков.

Авторы и редакторы издания подчеркивают предварительный характер очерков. Общая цель издания — публикация в сжатые сроки (предполагается, что будет выходить по тому в один-два года) грамматик мертвых языков (в первых двух томах это питта-питта, гумбайнтийр и близкий ему ййгир, стоящие особняком тасманийские, находящиеся на грани вымирания маргань, гунья, аягутимри) и обзорных грамматик языков, среди носителей которых ведутся многолетние полевые исследования (варгамай, гуту-йимидьир). Обзорные грамматики — предварительный и, как правило, единственный источник информации по данному языку. Авторы очерков — языковеды, занимающиеся как полевой работой, так и теорией.

Подобная постановка цели издания, естественно, заставляет отвлечься от некоторых проблем, и прежде всего — от решения существенного для Австралии вопроса «язык или диалект». Австралийский языковой ареал характеризуется: а) протяженными диалектными цепями, обширными переходными зонами, б) интенсивными заимствованиями из языка в язык, не ограничивающимися сферой лексики, в) социально обусловленным многоязычием (многоязычие вообще характерно для обществ, подобных австралийским), г) наличием разнообразных тайных, гонорифических, этнических (подъязыков, нередко имеющих своим источником соседний язык или диалект. Все это чрезвычайно затрудняет классификацию и описание языков.

Авторы очерков не ставят своей целью какие-либо изменения генетической классификации. Генетическая принадлежность каждого языка указывается в соответствии с известной классификацией, идущей от С. Вурма [1], по которой на территории Австралии выделяется 26 языковых семей — 25 мелких (р-ны Кимберли, Арнемленд) и гигантская семья пама-ньюнга. Субклассификация последней пока недостаточно ясна, и авторы указывают лишь локализацию ее языков

и степень родства с языками-соседями. Кроме того, приводится строгая характеристика языка по А. Капеллу, разделившему все австралийские языки с точки зрения словоизменительной морфологии на суффикгирующие и префикгирующие (с допустимой суффиксацией). Дополнительным критерием классификации может служить наличие в языке местоименных клитик (в ряде языков пама-ньюнга они суффикгируются, в некоторых отсутствуют, а в языках прочих 25 семей представлены в виде проклитик).

Требования к содержанию очерков предусматривают: внешелингвистические сведения (общая вводная характеристика языка, сведения о диалектном членении, локализация, сведения о носителях, социалингвистическая информация, обзор исследований по языку и культуре его носителей); фонетические сведения; морфологические сведения (наибольшее внимание уделено морфологии глагола, обычно более сложной, чем именная); сведения о синтаксисе простого и сложного предложения; образец текста; алфавитный словарь лексических единиц, появившихся в примерах по ходу описания (для мертвых языков — зафиксированная лексика); словарь-тезаурус. Подобный принцип построения был апробирован в ряде монографических описаний австралийских языков, в частности, в монографиях Кембриджского университета (грамматики языков дирбал, йидинь, нгямба, дияри).

Весьма ценно обращение авторов к предшествующим исследованиям по языку и культуре их носителей: во-первых, таким образом читатель получает некоторое представление о редких и труднодоступных материалах², во-вторых, каждый язык рассматривается в общем культурном контексте, что существенно для рассуждений о прошлом австралийских языков.

Естественно, что несмотря на единообразие схемы, описания живых и мертвых языков несколько различаются: первые ориентированы преимущественно синтактико-типологически, вторые вынужденно ограничиваются фиксацией имеющихся данных.

Исследователей не раз удивляли простота и чрезвычайное сходство фонетических систем многих австралийских языков. Так, простота австралийского вокализма спровоцировала А. Соммерфельта на рассуждение о наличии в аранта всего одной гласной фонемы [2] (см. критику такой интерпретации в [3]). Подчас же эта простота заставляла исследователей искусственно усложнять картину. В этом отношении любопытно сравнить фонетическое описание гуту-йимидьир у Я. де Звана [4] и у Дж. Хевиленда (очерк в 1-м томе рецензируемого изда-

² В конце XIX — нач. XX в. в Австралии работало немало этнографов, записывавших и языковой материал. Особенно ценны для лингвистики записи У. Рота, полевого исследователя, опубликовавшего в начале века серию очерков о племенах Австралии (в частности — о носителях языка дирбал).

ния). Типичную для австралийских языков трехчленную вокалическую систему Я. де Зван представляет как более сложную: /i/, /o/, /u/, /a/, /a/. С другой стороны, консонантизм у Я. де Звана упрощен: он не различает альвеолярный и postalveолярный ряды, ламинно-дентальные и палатальные. Несомненно, материал, обработанный Дж. Хенилдендом, обширнее, что и позволяет ему более корректно выделить инвентарь фонем.

Обычно консонантная система австралийских языков включает ряды билабialsных, апино-альвеолярных, ретрофлексных, ламинальных, (велярно-)дорсальных смычных; носовых; латеральных; 1—2 вибранта, 2 глайда. Типично ограничение набора инициалей и наличие интервокальных кластеров.

Фонетически своеобразны языки п-ова Кейп-Йорк, представленные в издании языком ангутимри (Т. Кроули описывает один из его диалектов, мбакуити). Система вокализма ангутимри — одна из самых сложных в Австралии: гласные /i/, /e/, /a/, /a/ имеют долгие и назализованные корреляты, /u/, /o/ — пелабиализованные. Относительно сложна и система консонантизма. Т. Кроули предполагает, что фонетический состав ангутимри претерпел множество системных изменений, приведших к общей перестройке исходной «типично австралийской» системы, в частности — к установлению оппозиции смычных по глухости/звонкости, а также к обогащению фонетической синтагматики.

Описание большинства австралийских языков вынужденно базируется на материале одного-двух диалектов. Некоторую ненадежность такого описания отмечает У. Дуглас, указывающий, что аборигены обычно «подстраивают» свою речь под собеседника. Описывая диалект, исследователь не может быть уверен в адекватности отражения в получаемом материале свойств полной системы данного языка (о трансформациях полной языковой системы в диалектах ср. [5]). Тем не менее появление описаний, выполненных на современном уровне и с единых позиций, существенно обогащает австраистику и может быть полезно для общей фонологии.

То же самое можно сказать о морфологических разделах очерков. Типичные морфологические процессы в австралийских языках — гаплогония, редупликация, падение и/или ассимиляция тематических гласных. В ряде языков п-ова Кейп-Йорк действуют правила сингармонизма (ср. очерк Т. Кроули в 2-м томе издания). Морфологическая структура австралийских языков, по морфологическому типу — преимущественно агглютинативных, проста и легко поддается сегментации. По-видимому, справедливо наблюдение Р. Диксона [6], отметившего, что австралийские языки стремятся к скорейшей элиминации или полному переосмыслению морфологических аномалий, т. е. что их существенную характеристику составляет стремление к регулярности. Наиболее интересны в этом отношении языки ангутимри и варгамай; в последнем перестройка морфологии ведет

к структурным изменениям типологического плана.

Отметим выявляемое при анализе материалов издания структурное сходство местоименных систем (трехчленная оппозиция по числу, эксклюзивность/инклюзивность, местоименные перифразы, наличие табуированных местоимений) и, видимо, связанное с этим сходство дейктических систем (многие австралийские языки «вводят» трехмерное дейктическое пространство; в качестве исключения можно привести гугу-йимидыр с одномерной, линейной дейктической системой); различие прямых/косвенных основ имен и местоимений; наличие глаголообразных наречий, согласуемых с именем; соединение глаголов в «цепочки», или серии³; например, в языке дярбал *balam* (1) *wudu* (2) *banqul* (3) *yarangu* (4) *dangani* (5) *ganbin* (6) «спину (1—2) человек (3—4) неряшливо (5, бун, «плохо делает») ест (6)» [8, с. 88].

Заслуживают внимания также следующие явления: 1) общаустралийская тождественность ряда служебных морфем; 2) единообразие словообразовательных процессов (в частности, образования отменных прилагательных со значением «(не) имеющих X» — с аффиксом комитатива/социатива, ср. в питта-питта *malumari* «пустой» = *malu*/отрицат. частица/ + *maru* /суффикс социатива/, — и с аффиксом приватива, ср. в гумбайнгир *bigu* : *rbigu* «безлесный» = *bigu* : *r* /«девево»/ + *biga* /суффикс приватива/.

Повторяемость морфологических процессов и самих морфем может быть результатом как общего развития, так и заимствования. Разграничить две названные причины нелегко, а проблема их разграничения лежит на стыке типологии и компаративистики (кстати, для частных сравнительно-исторических исследований австралистика уже накопила достаточный материал). И в том и в другом случае мобильность определенных грамматических показателей может вызываться следующими причинами: 1) формальная причина — простота формальной структуры показателя; 2) динамическая причина — утрата или переосмысление в языке-акценторе функционально аналогичного показателя; 3) функциональная причина — совмещение показателем некоторого набора функций, из которых каждый язык может выбирать «нужные» ему.

Лингвистически наиболее интересна третья причина. Синкретическими надежными показателями в большинстве австралийских языков являются показатели эргатива/инструменталиса, а также датива/генитива. Примером синкретического глагольного показателя может служить залоговый формант, который маркирует в глаголе: а) пассив, б) антипас-

³ Это свойство австралийских языков до сих пор не привлекало внимания; между тем наличие его позволяет вывести типологический анализ сериализации за пределы австроазиатских и африканских языков, пока что имавших монополию на сериализацию. О сериализации ср., например, [7].

скв, в) рефлексив, г) стив-результатив. д) реципрок, е) декаузатив, или так называемый «ложный рефлексив/реципрок». Естественно, что не всегда все перечисленные функции представлены в конкретном языке.

По-видимому, для подобного синкретического служебного показателя невозможно определить исходную, базисную семантику или выбрать из всех его функций главную. Отметим, кстати, что подобное требование — определить базисную семантику — считается необходимым при анализе глагольных формантов, но не предъявляется обычно к именным показателям.

Очевидно, функция названного выше синкретического глагольного показателя детерминирована конкретной глагольной семантикой и семантикой приглагольных именных групп. В принципе функциональный анализ глагольных конструкций обещает быть адекватнее, нежели анализ, при котором форманты приписываются некоторое исходное, базисное содержание. Так, приписывание рассматриваемому глагольному показателю универсальной этикетки «антипассивный»⁴ приводит Т. Кроули к трактовке конструкции языка ангитимри *Ku* (1) *fa-pɪni* (2) «Бревно (1) расколослось (2)» как «необычной» антипассивной, в то время как это конструкция стив-результативного типа, и показатель *-pɪ-* выступает здесь в функции (г).

Проблема трактовки морфологических показателей непосредственно связана с общетипологическими проблемами, находящимися в центре внимания австралистики, — структурой надежных систем (отметим две обобщающие работы по этой проблеме [см. 9, 10]) и установлением типов языков в рамках синтаксической типологии. Это, в свою очередь, связано с вопросом о соотношении в австралийских языках черт аккузативности и эргативности. Заметим, что общее введение, вопреки традициям этого научного жанра и вопреки самой типовой схеме издания, освещает прежде всего именно эти проблемы.

Авторы очерков следуют типологической концепции Р. Диксона [11] и оперируют понятиями подлежащего непереходного глагола (S), подлежащего переходного глагола (A) и дополнения при переходном глаголе (P или O). Определенный акцент делается на четком разгра-

ничении синтаксических категорий и семантических ролей. В качестве общего теоретического недочета можно, видимо, отметить неразличение эталонно и не-эталонно переходных глаголов, стив-ных и агентивных глаголов, слишком поспешное сведение ролей в гиперроли.

С морфологической точки зрения многие австралийские языки являются представителями так называемого парциального, или смешанного (*split, fossil*) типа, совмещающего черты аккузативности и эргативности (а также других типов). Как правило, эргативность реализуется в сфере имен нарицательных и небудущих времен.

Что касается синтаксиса, то большинство австралийских языков синтаксически аккузативны и/или нейтральны. В рецензируемом издании обсуждается и проблема синтаксической эргативности, впервые поднятая Р. Диксоном применительно к материалу языка дирбал [8]. Р. Диксону принадлежит очерк языка варгамай, близкого дирбалу; по мнению автора, синтаксис варгамай был чисто эргативным, сейчас совмещает черты эргативности и аккузативности, а вследствие накопления морфологических изменений может стать полностью аккузативным. В очерке о варгамай автор особенно подчеркивает взаимосвязь между морфологическими и синтаксическими изменениями в языке.

Типичный порядок слов в австралийских языках — SOV. Правила порядка слов изучены недостаточно, изучение их затруднено в связи с исчезновением многих языков и, следовательно, невозможностью наблюдать интонацию — инструмент плана выражения, непосредственно связанный с порядком слов. В принципе исследование порядка слов в живых австралийских языках могло бы дать многое для трактовки «ежестных» SOV-языков, в которой еще есть лакуны.

Остановимся на двух явлениях, подробно обсуждаемых в австралистике. Они представляют собой своего рода мост от собственно синтаксиса к структуре дискурса. Речь идет об уже упоминавшейся антипассивной конструкции и о конструкции с «переключением референции» (*switch-reference*). «Переключение референции» проявляется в том, что глагол (или форма, обладающая рядом признаков глагола, например, глаголообразное наречие) имеет специальные показатели, которые служат для указания на кореферентность/некореферентность подлежащих предикативных конструкций, объединенных в рамках более сложного синтаксического целого. Так, в диалекте глагол-сказуемое принимает показатель *-la-*, если подлежащие объединяемых в сложном предложении предикативных конструкций кореферентны, и показатель *-nanti-*, если эти подлежащие не-кореферентны [12].

Функционирование таких конструкций обусловлено, в частности, семантическими факторами (так, для антипассивной конструкции типично, чтобы имя субъекта было личным или одушевленным, имя объекта — неодушевленным; сама кон-

⁴ В антипассиве (= антипассивной конструкции) именная группа объекта имеет статус выше прямого дополнения (т. е. дативное или косвенное дополнение), именная группа субъекта ведет себя во многом подобно подлежащему при непереходном глаголе. Антипассивную конструкцию, характерную для многих эргативных языков, принято сопоставлять с эргативной. Если в последней субъект выражен эргативом, объект — абсолютивом, глагол согласуется с объектом или с обоими актантами, то в антипассивной конструкции субъект выражен абсолютивом, объект — косвенным падежом или нулем, глагол согласуется только с субъектом.

структура обычно реализуется в сфере непротекших времен и ирреалиса) и структурой дискурса. До недавнего времени считалось, что две названные конструкции распределены в языках дополнительно и в одном языке сосуществовать не должны, поскольку они выполняют тождественную функцию — служат обеспечению когерентности. Однако конкретные описания показывают, что эти конструкции могут сосуществовать в одном языке, и, следовательно, их функционирование подлежит дальнейшему изучению.

Обсуждение структуры дискурса в рамках типологического очерка привлекает внимание как полезное новшество, и остается надеяться, что в следующих томах издания появятся новые, более подробные сведения по этому вопросу.

Особняком в 2-м томе издания стоит статья «Тасманийские языки». В ней звучит осуждение тотального геноцида тасманийцев, приведшего к полному исчезновению этого народа в конце XIX в. Сохранившиеся лингвистические материалы столь скудны и ненадежны, что позволяют сделать лишь самые общие выводы: видимо, тасманийцы говорили на шести (или более) языках, имевших диалектное членение. Нет никаких данных, опровергающих связь тасманийских языков с австралийскими, но нет и надежных фактов, подтверждающих их родство. Статья замечательна тем, что авторы попытались охватить максимум литературы по тасманийским языкам: они опираются как на имеющиеся записи XVIII—XIX вв., многие из которых находятся в архивах и трудно доступны, так и на предшествующие исследования — в особенности на работы Т. Кроули и Н. Пломли [13, 14].

Заслуживает внимания высокий технический уровень издания. Вероятно, оно могло бы быть более удобным, если бы было снабжено индексом. Хотелось бы более единообразного представления звукового состава описываемых языков, и, по-видимому, в дальнейшем это станет возможным: в Австралии уже принято решение об унификации фонетической записи аборигенных языков. Возможно, недостатком является то, что сведения о некоторых категориях (например, дейктических) разбросаны по разным разделам статей. Далее, поскольку исследуемые языки в большинстве своем мертвые, в ряде случаев выделение тех или иных грамматических категорий и их квалификация могут быть сомнительными (отметим, например, глагольные наклонения). Вероятно, в таких случаях лучше пренебречь традиционными схемами, не «подгоняя» материал под них.

Несмотря на то, что сам объем очерков вынуждает авторов жертвовать какой-то информацией, все статьи написаны с достаточной степенью подробности. Используемая терминология проста и это делает очерки доступными для языковедов разного профиля.

Появление первых томов издания — новое доказательство успехов австралистики и новый материал для работы. Для тех, кто впервые знакомится с этими языками, издание восполняет пробел в литературе по языкам «далних ареалов», столь опутанным до сих пор. Издание уже успело привлечь к себе внимание широкого круга специалистов. На это указывает Р. Диксон в предисловии к 2-му тому; свидетельство тому — и рецензии на 1-й том, появившиеся в ряде журналов: «Oceania» (Ф. Мерлан), «Language» (Б. Ригсби), «Journal of Linguistics» (Дж. Хит) ⁵.

Полинская М. С., Журиная М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wurm S. Languages of Australia and Tasmania. The Hague — Paris, 1972.
2. Sommerfelt A. La langue et la société; caractères sociaux d'une langue de type archaïque. — In: Institutet for sammenlignende kulturforskning, 1938, ser. A. 18.
3. Dixon R. M. W. The languages of Australia. London — Cambridge, 1980.
4. Zwaan J. D. de. A preliminary analysis of Gogo-Yimidjir. Canberra, 1969.
5. Соколовская Н. К. Фонетическое варьирование в бесписьменном языке (на примере языка понг). — В кн.: Варьантность как свойство языковой системы: Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1982, с. 68.
6. Dixon R. M. W. Syntactic reanalysis, evidence from Wargamay. — Australian Journal of Linguistics, 1981, v. 1, N 1.
7. Foley W., Olson M. Clausehood and verb serialization. — In: Grammar inside and outside the clause. Eds. Nichols J., Woodbury A., New York, 1982.
8. Dixon R. M. W. The Dyirbal language of North Queensland. London — Cambridge, 1972.
9. Blake B. Case marking in Australian languages. Canberra, 1977.
10. Blake B. Australian case systems. — In: Australian Linguistic Studies. Ed. Wurm S., Canberra, 1979.
11. Dixon R. M. W. Ergativity. — Language, 1979, v. 55, N. 1.
12. Austin P. A grammar of Diyari, South Australia. Cambridge, 1981, p. 191—195.
13. Crowley T. Phonological change in New England. — In: Grammatical categories in Australian languages. Ed. Dixon R. M. W., Canberra, 1976.
14. Plomley N. J. B. A word-list of the Tasmanian aboriginal languages. Launceston, 1976.

⁵ Уже после сдачи рецензии в печать авторы получили возможность ознакомиться с третьим томом рецензируемого издания, вышедшим в свет в 1983 г. Том содержит очерки языков дыяну (Ф. Морфи), юкулта (С. Кин), уради (Т. Кроули), ньявайги (Р. Диксон).